

Лёмони

История
о раздражающих
личностях,
странных лекарствах
и кривой ухмылке

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

— Уэаа-а! — Это вы морщитесь, жуя горькую пилюлю.

На вкус она похожа на смешанную с пылью и вымоченную в слюне гремлина рыбью чешую. Вы наивно решили, что мигрень пройдет, стоит вам забросить пилюлю в рот, разжевать, проглотить и... Что ж, мигрень действительно постепенно проходит, но ее заменяют тошнота, озноб и покалывание чуть ниже спины.

Лекарства — они такие: порой кажется, что от них становится лишь хуже. Они горькие, противно скрипят на зубах, вызывают усталость и сонливость — общую вялость. Они напоминают отраву весьма занимательного действия. Занимательное оно, впрочем, лишь для коварных интриганов с черными саквояжами и строгими бакенбардами, то есть для докторов, которые прописывают наивному обывателю порошочек или же мазь, а потом «наблюдают его», что с их языка переводится как «Любопытно, что эта обезьяна будет вытворять, если угостить ее пилюлькой со вкусом пыльного пианино?».

Что касается Габена, то здесь от лекарств действительно часто становится лишь хуже. В каждой мази, притирке, пилюле, пиннетке, бутылочке с каплями, в каждом порошочке или экстракте скрыто то, что не позволяет покупать их необдуманно. Многие слышали о побочных эффектах, но мало кто знает, что такое габенские побочные эффекты.

Скажем, у вас побаливает сердце от постоянных прыжков веры в лапы кредитных сообществ и горького разочарования

в порядочности банковских клерков. От всего этого доктор с радостью пропишет вам «Зеленые капли Поупа», но от капель у вас разовьется хроническая чихота (с присвистом). Если вы ушибли руку ставнями, пытаясь влезть в чужое окно, вам пропишут мазь «Неболитта», но она вызовет у вас рвотный рефлекс от каждой шестой ложки еды (вне зависимости от того, что вы едите).

И так со всем. И все об этом знают, но ничего не могут поделаться: уж лучше раз в день забывать, где находишься, чем изо дня в день терпеть невыносимое жжение в подмышках из-за гребли на веслах через лужу быта (образно выражаясь, естественно).

И тогда бедолаги идут в аптеку, выстаивают очередь, покупают свои пилюльки, принимают их, морщатся — «Уэаа-а!» — и отправляются по своим делам, чтобы вскоре вернуться и купить уже другие пилюли — от недомогания, вызванного первыми. А добродушные аптекари в Габене только и рады вам услужить, ведь вы, ваши мигрени, расстройство ваших нервов и желудков, ваши ссадины из-за спортивного боксирования с обезьянами в пабе и тому подобное — их хлеб, а иногда даже пирожное с заварным кремом.

В Тремпл-Толл, Саквояжном районе Габена, всего две аптеки: «Аптека Медоуза» на перекрестке Бромвью и Харт, весьма успешное дело, и крошечная «Горькая Пилюля Лемони», знававшая и лучшие времена — времена, когда за стойкой стоял покойный батюшка нынешнего аптекаря, наделенный несравненным честолюбием и совершенно лишенный совести. Об этой, второй, аптеке речь и пойдет.

Располагается она на углу зеленого дома на улице Слив буквально в двух шагах от трамвайной станции и парка Элмз. Дом этот давно не ремонтировался, флюгер на крыше проржавел, краска на двери облупилась. Другие дома

на улице Слив мало чем от него отличаются: это старая часть города, к тому же сказывается близость к каналу Брилли-Моу и простирающемуся за ним Фли (Блошиному району), который заслуженно считается едва ли не самым дурным местом в Габене. Фли находится так близко, что сам мистер Лемони из окна своей комнаты над аптекой пару раз видел в подзорную трубу гигантских блох, которые прыгали там по крышам домов. Нечего удивляться, что у аптеки частенько ошивается всякий сброд.

К слову, о сброде. Неподалеку от входа порой стоит, прислонившись к стене, Шляпс. Он играет на расхлябанной, как пьяный моряк, гармошке и подпевает ей в надежде, что кто-то швырнет ему мелочи:

Эй, милый доктор, вылечи же меня скорей!

Эй, милый доктор, или попросту меня прибей!

Я ненавижу всех кругом с девяти до шести часов.

Я запер свою жалкую-жалкую жизнь на засов!

Всякий раз, как что-то подобное звучит, дверь аптеки открывается и на улицу выползает местный цепной пес — сторбленная и всклокоченная мадам Клопп. Мадам Клопп недовольна буквально всем буквально всегда. Мадам Клопп — вдова и живет над аптекой, а еще она теща аптекаря.

— Пошел вон отсюда, проходимец! — вопит она и корчит жуткую гримасу. — Вот позову констебля, он не будет с тобой церемониться!

Шляпс подбирает с тротуара шляпу и в страхе ретируется в сторону Зеленой улочки. Повисшая на ремне гармошка сходится и расходится, как улыбка, шумит и гудит, вторя отдаляющемуся топанию Шляпса. Но со временем она затихает.

Мадам Клопп, вернувшись в аптеку, вопит с порога:

— Лемюэль! Снова этот бродяга ошивается поблизости!

Когда ты с этим что-то сделаешь?!

— Да, мадам! — устало отвечает аптекарь.

— Что «да»? Ты должен отравить его, засунуть в мешок и отнести к каналу!

— Но Шляпс ведь ничего ужасного не сделал!

— Он поет эти паршивые песни и распугивает посетителей! Ты должен рассказать о нем мистеру Тромперу, пусть отделает его своей дубинкой! На тебя совсем нельзя полагаться, Лемюэль! Лучше бы Хелен вышла замуж за констебля, а не за тебя!

— Да, мадам.

Тут он с ней согласен: лучше бы Хелен вышла замуж за констебля, а не за него. Но ничего поделать с этим он не может. Разве что умереть. Но если по правде, умереть он тоже не может: ему нужно поддерживать семейное дело.

Мистер Лемони не может подвести прадедушку, ведь тот наблюдает за ним. Вернее, не сам прадедушка, а его череп в шкафу с лекарствами. Он стоит там, на полке, в своем лимонном парике, похожем формой на луковицу, и оглядывает общий зал. Недовольно взирает на пыльные стекла витрин, на паутину, свисающую с плафонов газовых ламп, на скрежещущий, как якорь, протянутый по морю гвоздей, кассовый аппарат и на старуху, которая устроилась на стуле с длинными ножками.

Стул этот примостился в самом темном углу аптеки, вырастает он едва ли не до потолка, и к нему ведет лесенка. Старуха с клопиной фамилией почти всегда на нем сидит — читает газету и наблюдает за посетителями, но в основном она занимается тем, что прожигает взглядом макушку человека за стойкой.

За стойкой неизменно можно обнаружить самого мистера Лемони. Это невысокий тихий человек с неприметным

лицом и невыразительными бакенбардами. Большие глаза, словно испуганные мыши, выглядывают из мешков, появившихся от недосыпания. Тонкие черные волосы аптекаря зачесаны на ту сторону, которая нравится не ему, а его жене, так они еще и намажены сверх меры, из-за чего он постоянно чувствует себя втиснутым в баночку с ваксой.

— Добро пожаловать в «Горькую Пилюлю Лемони». Чем я могу вам помочь?

Мистер Лемони — плохой аптекарь. Он страдает, отпуская лекарства: это буквально сводит его с ума. Больше всего ему не нравится поддерживать общение с людьми. С момента, как он открывает дверь в девять утра, и до того, как он эту дверь запирает в шесть часов вечера, жизнь его представляет собой резиновую рутину и сплошные нервы.

А как иначе, ведь порой в аптеку заходят люди, способные вывести из себя даже чугунный фонарный столб. К примеру, старушки, совершающие променады, нечто вроде круиза по городу, и один из «портов», где они причаливают, — традиционно «Горькая Пилюля Лемони» на улице Слив. Сойдя с трамвая, они ползут к знакомой зеленой двери с мутным окошком, якобы с трудом переставляют ноги, кричат, трясутся, отрепетированно жалуются на жизнь и пытаются обсудить с господином аптекарем все, начиная с их облезлых котов и заканчивая их облезлыми внуками. Поделившись со всей аптекой сведениями, которые никому не нужны и не интересны, да и занудны настолько, что хочется взять и застрелиться, они покидают «Горькую Пилюлю» и направляются дальше — мучить почтальона, молочника, сапожника и констебля на углу. А затем мороженое, воздушный шарик, любимая газета, скамеечка в парке Элмз и путь домой — они боятся опоздать к обеду: одной ненавистью окружающих к себе сыт не будешь.

Также нередко в аптеку заходят помешанные на своих питомцах чокнутые дамочки и жеманные джентльмены, которые приносят ручного хряккса, замотанного в шарфик, или вваливаются вместе с огромным монстром породы грибальд, который расталкивает очередь, рассыпает всюду шерсть и лает так, что стекла выпрыгивают из окон и бегут в сторону канала топиться. Эти уважаемые владельцы животных активно имитируют иностранцев (делают вид, будто не понимают языка, на котором с ними говорят) и начинают спорить, вопить, угрожать и слезливо молить — чаще всего в таком порядке. Они полагают, будто это им поможет, чтобы выклянчить лекарство для своей прямоходящей крысы на поводке, или бескрылой птицы в шляпе, или даже летучей рыбы по имени Франсуа, все норовящей выпрыгнуть из аквариума, который ее сердобольный хозяин приволок с собой. Они не понимают, когда им говорят, что здесь не продаются лекарства для животных и им следует обратиться к звериному врачу из переулка Трамм или еще откуда.

Приходится продавать им толченый мел, только чтобы они убрались: «Да-да, от этого чудесного порошка ваш карликовый слон вырастет, а ваша собственная лысина зарастет, как вырубленные джунгли Кейкута после ливня». И только тогда они уходят, уволакивая на поводке своего спрута, который оставляет фиолетовый след на полу, или улетают (вернее, упаряют прочь) на стае толстых пчел с ниточками, повязанными вокруг брюшек.

А мистер Лемони остается, выжимает платок, которым вытирал лоб, и украдкой поглядывает на своего извечно-го надсмотрщика мадам Клопп. Та притворяется, будто читает газету на своем стульчике под потолком.

— Лемюзль! — громко вещает мадам, высунув из-за газеты нос, словно перископ.

— Да, мадам? — откликается мистер Лемони, ожидая новую порцию оскорблений и унижений.

— Посетитель ушел недовольным, Лемюэль!

— Кто именно, мадам?

— Ты должен был заметить! Джентльмен с простуженной стрекозой, кто же еще?!

Также частые гости в аптеке — напыженные личности с плохим зрением и отвратительной грамотностью. Когда до них доходит очередь, они уверенно извлекают из кармана рецепт и чуть менее уверенно пытаются озвучить то, что на нем написано. Щурясь и корчась, эти господа и дамы изобретают парочку совершенно новых лекарств, сопят, ругаются и наотрез отказываются отдать рецепт аптекарю, чтобы он разобрал кривой докторский почерк. Они, мол, сами. У них, мол, гордость. «Или вы считаете, что у меня плохо со зрением? Или вы полагаете, будто я читать не умею?!»

Он утомленно глядит на то, как пот посетителя капает на бланк рецепта, переминается с ноги на ногу, покачивается, как пьяный маятник, чтобы в итоге в очередной раз сказать: «Простите, такого у нас нет. Такого вообще нигде нет! Уверен, там написано что-то другое. Вы позволите?» И он тянет руку за рецептом, но слышит возмущенное от мадам Клопп:

— Лемюэль! У нас есть! У нас все есть! Вряд ли мистер Медоуз с перекрестка Бромвью и Харт когда-то в своей жизни говорил, что у него чего-то там нет! — Мадам Клопп никогда не упускает случая упомянуть главного конкурента мистера Лемони — мистера Медоуза с его здоровенной трехэтажной аптекой, штатом аптекарей, учеников и даже посыльных. — Принеси господину его заказ! И поживее!

И Лемюэль Лемони спускается в провизорскую комнату, набирает пару пакетиков толченого мела, после чего всё

приносит и с вымученной улыбкой отдает: «Ваш заказ, сэр». Разумеется, он знает, что толченый мел больных не лечит, но больные настолько горды, настолько уверены в том, что им прописал доктор, что, как бы ни продолжали потеть, валяться в жару, биться в ознобе и мочиться в постель, не вернутся, пока весь порошок не выпьют...

А чего только стоят эти стеснительные громилы из портов или с канала, которые вдруг превращаются в розово-щеких детей и робко топчутся у стойки, не зная, как сказать, с чего начать и чем закончить. Они озираются по сторонам, лишь сильнее привлекая к себе внимание, пытаются понижать голос, подавать знаки мимикой, как будто поднятые домиком брови и неуверенный оскал переводятся как «Дюжину пилюль от неправильного использования шила (в одном месте), пожалуйста».

Господину аптекарю приходится угадывать, подталкивать громил, просить разъяснений, что вгоняет их в еще больший ступор, и тогда им уже требуется отпустить в довесок еще и «Порошок Грюмма для забывчивых», чтобы они вспомнили, как связывать слова на родном языке.

Но забавнее (утомительнее) прочих хитрецы, которые считают, что если они как следует завуалируют заказ, то никто ничего не поймет.

— Простите, у вас есть клаксоны?

— Клаксоны?

— Да, клаксоны. Как на велосипедах и экипажах.

— Почтенный, вы ведь знаете, что здесь аптека?

— Да-да, разумеется. — Он озирается и кусает губы. —

Но мне нужен не совсем клаксон.

— Не совсем?

— Ну скажем, вещь. Или, вернее, предмет. Да, предмет. Который как бы очень похож на клаксон. Только у него... э-э-э... нет трубы. На ее месте у него... э-э-э... дуло, как

у револьвера. Нет, не совсем! Форсунка, как у паяльной лампы!

— Предмет, который похож на клаксон, но у него вместо трубы форсунка, как...

— У паяльной лампы, — радостно кивает посетитель.

Господин аптекарь наконец догадывается:

— А, так вам нужна спринцовка! Сейчас принесу.

И он выносит спринцовку, а также конвертик с нюхательной солью от стыдливых обмороков.

Кого только не заносит в аптеку! Но хуже всех эти проклятые ипохондрики, которые если чем-то и болеют, то лишь переизбытком фантазии. Они придумывают себе хворь, сами себе ставят диагнозы по принципу «Это пятно на коже похоже на гиппопотама с зонтиком, значит, я умираю!» и болеют совершенно всем, от насморка левой пятки до гнойного опухания сердца из-за старой душевной травмы, о которой они внезапно вспомнили. Ох уж эти недуги людей с недуготворческим кризисом! Как правило, данные личности приставучи, как репейник с болезненной тягой к обниманию. Они неимоверно раздражают тем, что громко, переигрывая, чихают, кашляют, плюются и шморгают носами, чтобы убедить всех в своей исключительной заразности.

— Ну дайте, ну дайте, ну дайте! — канючит ипохондрик, заламывая ручки, пуская слюнки и перетаптываясь на трясущихся ножках у стойки.

— Сэр, вы совершенно здоровы, — тяжело вздыхает мистер Лемони.

— Нет, я болен! Болен я! У меня боли-ит!

— Где?

— Всё!

И тогда мистер Лемони перегибается через стойку, стучит надоеде по его надоедливому носу и радостно общает:

— Теперь у вас болит! Свинцовая примочка за счет заведения!

А потом мистер Лемони слышит: «Дорогой, что это ты делаешь?»

Он открывает глаза и понимает, что замечтался наяву, а гадкий ипохондрик уже подключил к нему механический насос, трубки и педаль и с заискивающей улыбкой принялся качать его кровь. Этот тип по-прежнему стоит и трясется у стойки, попеременно то бледнея, то краснея, а еще обильно потея от бессмысленных попыток резко развить в себе явное опухание чего-либо, что должно убедить мистера Лемони в его крайней, отчаянной болезненности.

А жена бедного аптекаря, миссис Лемони, такая вся из себя жалостливая и сопереживающая, укоряюще глядит на супруга:

— Ты что, не видишь, дорогой? Джентльмен страдает, отпусти же ему лекарства! Давайте ваш список, сэр. Мистер Лемони все принесет. Что это за рулон? Ах, это ваш список? Ох, бедный вы, бедный. Дорогой, прошу тебя... Мама, скажи ему!

— Лемюэль!

И мистер Лемони, ненавидя всех, плетется за мешком и телегой, ведь иначе из аптеки не уволочь все, что этот болезненный там себе понапрописывал: помимо прочего, эти профессиональные больные ловко составляют списки из сугубо безрецептурных лекарств.

И так проходит день за днем. Люди заглядывают в аптеку, толпятся, ругаются и десертной ложечкой выедают то, что еще осталось в черепной коробке несчастного аптекаря.

И ладно бы посетители, но мадам Клопп никогда за словом в карман не лезет, чтобы унижить его или упрекнуть, ведь он буквально все делает не так. И то, и это, и вон то! Не то что замечательный мистер Медоуз с перекрестка

Бромвью и Харт. Вот мистер Медоуз все делает правильно, и вообще он живой пример для подражания! Мистер Медоуз никогда не рассказывает посетителям о побочных эффектах лекарств, не переубеждает ипохондриков, советует больным (а порой не-таким-уж-и-больным) те или иные пилюли дополнительно, и они верят: аптекарь дурного не посоветует. А Лемюэлю Лемони должно быть стыдно за свою мягкотелость, как стыдно его прадедусшке за своего нерадивого потомка.

Порой, в моменты особо склочного настроения, мадам Клопп спускается со своего насеста и следует за ним в провизорскую, наблюдает, как он смешивает лекарства, и вечно критикует его: не тот конвертик он взял, не те весы использовал, не ту ступку, не ту склянку, не ту, не ту, не ту...

Не ту женщину он выбрал, посмев жениться на дочери этой гримзы. Так считал и сам мистер Лемони, ведь без него ей было бы лучше. Тем не менее в словах тещи никогда не крылось ничего, кроме очередного болезненного укола: Хелен Клопп (в девичестве) и ее мамочка мадам Клопп (понины) никуда уходить не собирались — еще бы, ведь такое-то перспективное предприятие! Семейное дело, известное на весь Габен и за его пределами! А он и не заметил, как в один миг будто бы стал жертвой похищения...

Впрочем, у «жертвы похищения» нет времени страдать. Ее ждут посетители.

Звонит колокольчик над дверью. Скрипят петли, а затем грохочет, захлопнувшись, дверь. Стекла отдаются болезненным звоном. И откуда столько силы в таком хрупком теле?

— Мама послала меня за пилюлями для терпения, — сообщает обладатель тоненького голоска откуда-то из-под стойки и тянет ручонку с десятифунтовой бумажкой.

«Мама послала меня за пилюлями для терпения, — еще более пискляво повторяет голосок в голове мистера Лемони. — Ну еще бы! И как такое чудо можно долго терпеть?»

Действуя ловко и умело, аптекарь при помощи скальпеля раскалывает крошечную пилюлю на восемь долей, следя за процессом через увеличительное стекло на ножке. Одну восьмую он сыпает в бумажный конвертик. Пилюли для терпения дорогие, иначе их принимали бы все, всегда, причем нарочно превышая рекомендуемую дозировку. Это ведь Габен — тут быть терпеливым трудно.

Вот и мистеру Лемони трудно. Но он терпит. Он копит все это, рассовывая обиды и огорчения по конторским ящичкам души, и имитирует — нет, не счастье (в его счастье никто бы не поверил), — он профессионально имитирует удовлетворенность происходящим. Мистер Лемони жалеет, что не может выпить пилюлю терпения: его злобная теща не смыкает глаз...

Наиболее отвратительное время в аптеке обычно около полудня. Очередь продвигается медленно, в ней кипят такие страсти, что вот-вот прямо у стойки просто обязана произойти кровавая бойня. Очередь будто бы вскрывает в людях худшее. Каждый взгляд словно прикосновение раскаленного утюга, каждое слово будто ругательство, а каждое ругательство как... Хотя ругательство ни с чем не спутать.

Воздух настолько спертый и плотный, что его можно не только потрогать, но и при особом желании усесться на него, как в кресло. Но сидеть некогда. Все торопятся. Даже если у них впереди весь день.

Посетители, впрочем, не хотят тратить даже одну лишнюю секунду в очереди. Чтобы уступить кому-то? Ха! Нашли дураков! («Кстати, не забыть бы порошок от глупости, четверть унции. Да, больше, пожалуй, и не нужно.

Слишком уметь не больно-то хочется: все слишком умные болеют от горя и чахнут в одиночестве. Их ведь не проведешь. А четверти унции как раз хватит, чтобы толкать дверь в правильную сторону и не садиться мимо стула»).

Нередко в полуденной очереди можно услышать: «Господа, я опаздываю!» На что следует укоризненный ответ: «Мистер, тут все опаздывают!»

При этом сильнее всех возмущена и громче всех кричит, конечно же, какая-нибудь старушка, у которой последние дела были с полвека назад, а все поезда, на которые она могла бы опаздывать, уже давно сдали на металлолом. Но старушка эта пришла в аптеку не за мазью от подагры или глоссетами от ломоты в костях — нет, она пришла за настоящим лекарством, которое никогда не подводит: за исключительно приятным и милым сердцу издевательством над ближним.

Порой кто-то куда-то опаздывает по-настоящему и в какой-то момент, глядя на жилетные часы в последний раз, проклинает всех и вся, машет рукой на это безобразие и покидает очередь. В таком случае его ждут как злобные взгляды (еще одна жертва не выдержала, спеклась и приказала долго жить, а значит, можно занять ее место), так и завистливые (еще один счастливчик сбежал, схватился за соломинку, выбрался из этого тягостного, пропахшего лекарствами болота).

«Я ненавижу их всех, — думает кто-то в аптеке, а может быть, даже сам мистер Лемони. — Как же я их всех ненавижу! Это не люди! Это монстры, пожирающие воздух...»

Звенит колокольчик над дверью. Звенит кассовый аппарат. Аптекарь с приветливой улыбкой обслуживает посетителей:

— Добро пожаловать в «Горькую Пилюлю Лемони». Чем я могу вам помочь?..

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

